

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
УДК: 001.38
JEL: O30, O38, O14
EDN: RDTLHP

Концептуализация научного суверенитета в условиях глобальных трансформаций

А.А. Азаров¹, Н.М. Межевич^{1,2}, Т.В. Тулупьева^{1,3}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, РАНХиГС, <https://ror.org/04xnm9a92>, Москва, Российская Федерация; e-mail: azarov-aa@ranepa.ru, mez13@mail.ru, tulupeva-tv@ranepa.ru

² Институт Европы Российской академии наук, Центр белорусских и прибалтийских исследований, Москва, Российская Федерация; e-mail: mez13@mail.ru

³ Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, СПб ФИЦ РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: tulupeva-tv@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена концептуализации научного суверенитета как одного из ключевых факторов национальной безопасности в условиях геополитической фрагментации и кризиса глобальной неолиберальной модели организации науки. Цель исследования заключается в систематизации теоретических подходов к определению научного суверенитета и выявлении его структурных компонентов. Для достижения поставленной цели в работе решаются задачи критического анализа глобальной академической архитектуры, историко-генетической реконструкции эволюции отношений науки и государства, а также идентификации ключевых угроз интеллектуальной независимости.

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный синтез классической социологии науки Р. Мертона, акторно-сетевой теории Б. Латура, мир-системного анализа И. Валлерстайна и концепций когнитивного капитализма, что позволяет рассмотреть науку как сложный социальный институт, иерархическую глобальную систему и сеть гетерогенных элементов.

В качестве основного результата предложено авторское определение научного суверенитета, понимаемого как способность государства самостоятельно определять приоритеты научно-технологического развития, обеспечивать воспроизводство научного потенциала, защищать критически значимые направления науки от внешнего давления и участвовать в международном научном сотрудничестве на паритетных началах. Выделена и содержательно раскрыта пятикомпонентная структура данного феномена, включающая эпистемологический, технологический, институциональный, кадровый и информационный компоненты. Для каждого компонента предложены диагностические индикаторы и четырехшаговый механизм применения модели в научно-технической политике (аудит, картирование уязвимостей, разработка стратегических мероприятий, мониторинг).

Теоретическая значимость работы заключается в переводе дискуссии о научном суверенитете в плоскость операционализируемых категорий. Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной модели для диагностики уязвимостей национальной научной системы и выработки стратегий государственной научно-технической политики.

Ключевые слова: научный суверенитет, научно-технологическая политика, технологический суверенитет, национальная безопасность, модель суверенитета

Информация о финансировании: Данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Азаров, А.А., Межевич, Н.М., & Тулупьева, Т.В. (2026). Концептуализация научного суверенитета в условиях глобальных трансформаций. *Экономика науки*, 12(2), 11–28. EDN: RDTLHP

GOVERNANCE OF SCIENCE AND MANAGEMENT ISSUES

REVIEW

JEL: O30, O38, O14

EDN: RDTLHP

**Conceptualization of scientific sovereignty
in the context of global transformations****A.A. Azarov¹, N.M. Mezhevich^{1,2}, T.V. Tulupyeva^{1,3}**

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, RANEPa,
<https://ror.org/04xnm9a92>, Moscow, Russian Federation; e-mail: azarov-aa@ranepa.ru, mez13@mail.ru,
tulupeva-tv@ranepa.ru

² Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Center for Belarusian and Baltic Studies;
e-mail: mez13@mail.ru

³ St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, SPC RAS,
Saint-Petersburg, Russian Federation; e-mail: tulupeva-tv@ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of scientific sovereignty as one of the key factors of national security amid geopolitical fragmentation and the crisis of the global neoliberal model of science organization. The aim of the study is to systematize theoretical approaches to defining scientific sovereignty and identify its structural components. To achieve this goal, the paper undertakes a critical analysis of the global academic architecture, a historical-genetic reconstruction of the evolution of science-state relations, and an identification of the key threats to intellectual independence.

The methodological framework of the research comprises an interdisciplinary synthesis of Robert Merton's classical sociology of science, Bruno Latour's actor-network theory, Immanuel Wallerstein's world-systems analysis, and the concepts of cognitive capitalism. This approach allows science to be examined as a complex social institution, a hierarchical global system, and a network of heterogeneous elements.

As the main result, the authors propose an original definition of scientific sovereignty, understood as a state's capacity to independently determine its science and technology development priorities, ensure the reproduction of its scientific potential, protect critical areas of research from external pressure, and participate in international scientific cooperation on an equal footing. A five-component structure of the phenomenon is identified and elaborated, encompassing the epistemological, technological, institutional, human capital, and informational components. For each component, diagnostic indicators are proposed, along with a four-step mechanism for applying the model in science and technology policy (audit, vulnerability mapping, development of strategic measures, monitoring). The theoretical significance of the work lies in shifting the discussion of scientific sovereignty from the realm of political rhetoric to that of operationalizable categories. Its practical significance stems from the proposed structural model, which can serve as a diagnostic tool for assessing vulnerabilities in national scientific systems and for formulating state science and technology policies.

Keywords: scientific sovereignty, science and technology policy, technological sovereignty, national security, sovereignty model

Funding: This research received no external funding.

For citation: Azarov, A.A., Mezhevich, N.M., & Tulupyeva, T.V. (2026). Conceptualization of scientific sovereignty in the context of global transformations. *Economics of Science*, 12(2), 11–28. EDN: RDTLHP

ВВЕДЕНИЕ

Современная мировая наука переживает период глубокой трансформации, обусловленной сразу несколькими разнонаправленными процессами. С одной стороны, сохраняется инерция глобализации: международные базы данных (Web of Science, Scopus) по-прежнему задают стандарты научных публикаций, издательские корпорации концентрируют ресурсы, а требования

к публикационной активности унифицированы по образцам западных университетов. С другой стороны, нарастающая геополитическая напряженность, технологические санкции и стремление ведущих держав к технологическому лидерству разрушают иллюзию «единого мира науки», возвращая в академическую повестку вопросы национальной безопасности и интеллектуальной независимости (Намадов & Баурина, 2025).

В данных условиях традиционная неоллиберальная модель организации науки, основанная на универсализме и доминировании англо-американских стандартов, утратила устойчивость и предсказуемость функционирования. Усиление геополитической и геоэкономической фрагментации усиливает конкуренцию за интеллектуальное лидерство. На этом фоне все более активно проявляется феномен, называемый в публицистике «когнитивный колониализм». При этом явление имеет и академическую трактовку как совокупность технологий и механизмов, которые навязывают европейские и американские оценки знаний в качестве единственно возможных. Страны с иными научными школами объективно попадают в положение догоняющих, полностью или частично утрачивая возможность участвовать в определении критериев истинности и значимости исследований. Лишь немногие государства, составляющие исключение из этого правила, сохраняют значительное влияние в данной сфере.

Такая постановка вопроса напрямую приводит к необходимости критического анализа глобальной академической архитектуры, в которой национальным наукам приходится отстаивать свой суверенитет. Как убедительно демонстрирует анализ, проведенный на площадке МГИМО¹, кажущаяся универсальной и объективной современная научная система на практике представляет собой строго выстроенную иерархию. Ее институциональный «генетический код» в целом был сформирован в послевоенный период (1946–1955 гг.) под эгидой структур типа ICSU и ЮНЕСКО и был ориентирован на управление знанием через закрепление единых стандартов, кодов и методологий. В указанный период, как и в последующие годы, для СССР и его союзников эта архитектура оставалась внешней. Однако с конца 80-х гг. она поддерживалась не столько прямым принуждением, сколько сложной инфраструктурой признания, включающей три ключевых уровня контроля: легитимацию (частные корпорации, определяющие «научную видимость», такие как компания Elsevier,

и созданная ей библиографическая и реферативная база данных рецензируемой научной литературы Scopus), стандартизацию (унификация процедур рецензирования и грантовых механизмов под эгидой OECD) и финансовое управление (гранты Всемирного банка, фондов и программы Horizon Europe, направляющие исследования в русло приоритетов стран Запада). Такая система неизбежно воспроизводит отношения центра и периферии, превращая страны с собственными богатыми научными традициями – от России до государств Глобального Юга – в поставщиков данных и исполнителей чужих исследовательских повесток.

Отметим, что подобное положение в определенной степени являлось закономерным. Государства и экономические союзы, демонстрирующие политическое и экономическое лидерство, безусловное доминирование во внешнеэкономических связях, всегда получали право на легальное вмешательство, фактически рассчитывали и получали технологическое доминирование, как плату за свой статус.

Российский подход предполагает развитие международного сотрудничества в сфере науки на основе равноправия и кооперации. Переход от внешних стандартов к национальным или региональным (Союзное государство, ЕАЭС) предполагает переориентацию российской научно-технологической политики в сторону формирования автономных механизмов оценки и признания научных результатов. Примером подобного подхода в 2025 г. стало утверждение Единого государственного перечня научных изданий (ЕГПНИ), сформированного Российским центром научной информации при участии профильных отделений Российской академии наук.

В отличие от западных баз данных, формируемых частными корпорациями по непрозрачным критериям, ЕГПНИ позиционируется как многоуровневая система оценки отечественных журналов, где научная значимость издания определена экспертизой РАН и Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов Министерства науки и высшего образования РФ. Всего в перечень вошло 3120 российских научных периодических

¹ Карьерный портал МГИМО. (б.д.). Адаптация иностранных студентов. <https://career.mgimo.ru/page/adaptive/id371869/blog/13025418/?ssoRedirect=true> (дата обращения: 03.03.2026).

изданий, распределенных по четырем уровням качества: первый уровень (наиболее престижный) присвоен 634 журналам, второй – 705, третий – 916, четвертый – 865². Показательно, что уровни 1 и 2 уже стали обязательным требованием для публикации результатов докторских диссертаций, тогда как для кандидатских достаточно уровней 3–4. Тем самым формируется национальная иерархичная система оценки научной значимости, альтернативная западным метрикам.

Анализ глобальной академической архитектуры, критика неолиберальной модели организации науки, а также историческая реконструкция эволюции отношений между наукой и государством позволяют зафиксировать устойчивый концептуальный разрыв: термин «научный суверенитет» активно используется в политическом дискурсе и стратегических документах, однако его теоретическое содержание остаётся размытым, а структурные компоненты не выделены. Цель данной статьи – систематизировать теоретические подходы к определению научного суверенитета и выявить его структуру.

Для достижения поставленной цели в статье решаются три основные задачи: во-первых, проводится анализ академической архитектуры и реконструкция эволюции отношений между наукой и государством; во-вторых, осуществляется систематизация существующих теоретических подходов к научному суверенитету и смежным категориям (технологический суверенитет, научный империализм, академический империализм, *sovereign science*); в-третьих, выделяются структурные компоненты научного суверенитета и разрабатываются диагностические индикаторы для их эмпирической верификации.

Некоторые исторические примеры и текущие практики управления наукой

Необходимость государственной научной политики не является чем-то принципиально новым и была осознана еще в последнее десятилетие существования Российской империи.

Вклад В.И. Вернадского и Д.И. Менделеева в решение этих вопросов общеизвестен. В 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) – научно-практическая организация, задачей которой являлось снижение зависимости от иностранных поставок боеприпасов и техники, особенно в условиях Первой мировой войны. К сожалению, идея КЕПС реализовалась с большим отставанием уже в новой, советской России.

Затем возник Совет по изучению производительных сил (СОПС) – научно-исследовательское учреждение при АН СССР (1930–1960 гг.), Госплане СССР (1960–1992 гг.), которое было ориентировано не только на собственно управление экономическим развитием, но и на изыскание ресурсов, а также научное управление ограниченными ресурсами.

Отметим, что практика научного сотрудничества в Советской России всегда несколько опережала институциональное оформление данной государственной задачи.

Государственная научная или научно-техническая политика в СССР официально была провозглашена не до Великой Отечественной войны, а после Победы. 14 марта 1947 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О Комитете по изобретениям и открытиям при Совете Министров СССР». Пройдя через серию реорганизаций и получив впоследствии название Государственный комитет СССР по науке и технологиям (ГКНТ), данная структура была ликвидирована в декабре 1991 г. Создание ГКНТ было формой признания того, что наука и научные инновации нуждаются в государственном управлении, защите и поддержке. Более того, работа ГКНТ с зарубежной научно-технической информацией уже в 50-е гг. XX в. позволяла признать вероятность мировой победы социализма над капитализмом лишь в долгой перспективе.

Являясь частью государственного аппарата, ГКНТ эффективно функционировал в условиях силового и мобилизационного управления. Однако научная политика, встроенная в систему планирования, была основана на централизации и отрицании инициативы, характерной для научной политики в условиях рыночной

² Список журналов. (б.д.). Retrieved March 3, 2026, from <https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/>.

экономики. Внедрение результатов научной деятельности в практику на протяжении всего советского периода оставалось одной из ключевых проблем развития науки, и эта проблема прослеживается на протяжении всего периода существования организаций, отвечавших за эту деятельность, в том числе в материалах заседаний ГКНТ (Темирбулатова, 2011). Так, сохранение советской модели управления наукой, основанной на централизованном планировании и мобилизационных механизмах, само по себе не обеспечило бы решения проблемы эффективного управления научной деятельностью. Существенным ограничением данной модели оставалась ее недостаточная адаптивность к инициативному характеру научного поиска и к задачам практического внедрения результатов исследований.

В новой России управление наукой не может осуществляться исключительно на базе государственного участия и нуждается в использовании рыночных механизмов. Научный суверенитет не только не подразумевает отказ от рыночных механизмов, но влечёт за собой их активное и рациональное использование.

В начале XXI в. в России доминировала точка зрения, предполагающая либерализацию любых форм внешних связей. По умолчанию это относилось к торговле товарами, торговле услугами и широкому спектру иных форм международного сотрудничества, в том числе научного сотрудничества. В результате доминирование сохранила сложившаяся в 1990-е гг. практика решения модернизационных задач за счет закупок товаров разной технологической сложности или принятия внешних протоколов управления, в том числе и наукой.

Альтернативный подход, предполагающий максимальное использование собственных технологических возможностей, а также приобретение современных технологий, но не товаров, на протяжении длительного времени рассматривался как нереалистичный, несмотря на усилия его сторонников, в частности академика С.Ю. Глазьева. В настоящее время в экспертной дискуссии все чаще отмечается, что модель управления наукой, как и модель управления внешней торговлей, сложившаяся в конце прошлого века, сопряжена

с существенными политическими рисками и экономическими ограничениями. Об этом полтора десятилетия назад говорил Е.М. Примаков: «Международное разделение труда вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности. Она не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта – чтобы, например, сохраниться в качестве космической державы» (Примаков, 2012. С. 3).

Обобщение исторического опыта и анализ многообразия концептуальных подходов, зафиксированных в современной дискуссии, позволяют перейти от описания отдельных граней феномена к его интегральному определению. При этом необходимо избежать двух крайностей: с одной стороны, редукции научного суверенитета исключительно к технологической независимости и обороноспособности (что было характерно для эпохи холодной войны), с другой стороны, его сведения к абстрактным призывам к «открытости науки» и «свободному потоку знаний», игнорирующим реальную асимметрию возможностей в глобальном академическом пространстве.

Методология и теоретические основы исследования

Авторы статьи исходят из того, что, прежде чем предложить собственные подходы, следует обратиться к базовым или наиболее распространенным определениям. В настоящем исследовании за основу принято определение, предложенное исследователями: «Научный суверенитет – это совокупность параметров, характеризующих национальную (государственную) науку как структурированную функциональную систему, обеспечивающую самостоятельное (с точки зрения организационного, материально-технического, финансового, кадрового обеспечения) проведение научных исследований, систематизацию и практическое внедрение полученных результатов, подготовку национальных научно-педагогических кадров» (Ромашов, 2026).

Научный суверенитет выходит за рамки получения и осуществления контроля над

базами данных и системами индексирования. Внимание следует сосредоточить не только на наукометрических показателях, но и на способности научного сообщества ориентироваться на внутренние социально-экономические запросы и интеллектуальные традиции при определении научной повестки, а также обеспечивать беспрепятственный доступ к важному научному оборудованию и материалам для верификации научных гипотез. Немаловажное место занимает и проблема управления научной системой коммуникаций, подразумевающая не просто наличие национальных журналов, а формирование экосистемы научной коммуникации на родном языке.

В ответ на такие вызовы параллельно с созданием ЕГПНИ разворачивается глубокая трансформация системы управления научными организациями. Как отмечается в материалах Профсоюза работников РАН, разрабатываются предложения по отмене действующей с 2009 г. системы категорирования институтов, которая базируется на устаревшем Постановлении № 312 и не учитывает реалий современного законодательства³. Новая модель оценки результативности, разрабатываемая при участии РАН и Комиссии по научно-технологическому развитию, предполагает отказ от балльной системы в пользу комплексных выездных проверок, введение референтных групп (специализации институтов) и усиление роли квалифицированного заказчика.

Научный суверенитет не ограничивается вопросами контроля над базами данных и системами индексирования, охватывая фундаментальные основы производства знания. Прежде всего, речь идет о когнитивном суверенитете – способности национального научного сообщества самостоятельно определять исследовательскую повестку, исходя из внутренних социально-экономических запросов и интеллектуальных традиций, а не следовать «мейнстриму», формируемому глобальными научными центрами. Следующим элементом научного суверенитета выступает

технологический и инструментальный суверенитет – доступ к уникальному научному оборудованию, реагентам и методикам, без которого даже самая смелая мысль остается неverified гипотезой, а страна попадает в зависимость от «научного аутсорсинга». Наконец, это суверенитет коммуникативный и лингвистический, подразумевающий не просто наличие национальных журналов, а формирование полноценной экосистемы научной коммуникации на родном языке, позволяющей вести глубокую экспертизу и дискуссию, не редуцируя сложные смыслы до упрощенных формул международного «эсперанто» современной науки.

Перенос этих теоретических дискуссий в плоскость науки и технологий происходит относительно недавно и пока остается фрагментарным, несмотря на растущий интерес к проблематике научного суверенитета в политическом дискурсе. В западной традиции близкая проблематика разрабатывается Дж. Бенджамином Хёрлбатом, который анализирует феномен «суверенной науки» (англ. – *sovereign science*) в контексте глобального управления пандемическими рисками. Хёрлбат демонстрирует, как научные режимы начинают претендовать на особого рода суверенитет, противопоставляя нормы научной практики (свободный обмен информацией, право науки определять, что должно быть познано) легитимности решений, основанных на национальном суверенитете (Hurlbut, 2017). Дж. Дюпре показал неприменимость «научного империализма» к широкому кругу явлений, указывая на ограничения использования единой концепции (Dupre, 1994).

Е. Попов, Н. Попова и Д. Кочетков указывают, что «научный империализм» приводит к негативным последствиям, в том числе к утрате национальной культуры проведения исследований (Попов и др., 2017). В странах глобальном юге эти дискуссии дополняются критикой «академического империализма» и теорией «южных эпистемологий», которые указывают на системное воспроизводство неравенства в мировом научном ландшафте через доминирование западных стандартов публикационной активности (Oliveira et al., 2025).

³ Профсоюз работников РАН. (2026, 16 февраля). Дайджест профсоюза работников РАН от 16 февраля 2026 г. <https://profras.ru/dajdzhest-profsoyuza-rabotnikov-ran-ot-16-02-2026-g/#content> (дата обращения: 03.03.2026).

Таблица 1. Систематизация теоретических подходов к пониманию научного суверенитета и смежных понятий

Table 1. Systematization of theoretical approaches to understanding scientific sovereignty and related concepts

Автор(ы) / школа	Ключевая категория	Основной фокус и ограничения подхода
J.B. Hurlbut (2017)	Sovereign science	Фокус на конфликте норм научной практики и национального суверенитета; структурная модель научного суверенитета не предлагается
Е. Попов, Н. Попова, Д. Кочетков (2017)	Научный империализм	Фокус на диагностике негативных последствий доминирования одной научной традиции; позитивная модель достижения суверенитета отсутствует
T. Oliveira et al. (2025)	Академический империализм, южные эпистемологии	Фокус на критике воспроизводства неравенства через западные стандарты; операциональная модель суверенитета не разработана
И.Б. Константинов, Е.П. Константинова (2022)	Технологический суверенитет	Фокус на производстве стратегических товаров без импортных технологий; не охватывает эпистемологические, кадровые, информационные аспекты
Ромашов и др. (2026)	Научный суверенитет (юридический подход)	Фокус на организационной, кадровой и финансовой автономии; не выделяет эксплицитно эпистемологический и информационный компоненты

*Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors*

Как следует из *таблицы 1*, существующие подходы фокусируются либо на критике доминирования западных стандартов (научный империализм, академический империализм), либо на технологических аспектах научного развития (технологический суверенитет), либо на юридических аспектах организации науки. При этом ни один из них не предлагает интегральной модели научного суверенитета, тем самым сохраняется концептуальный пробел, который авторская концепция, представленная в следующем разделе, призвана заполнить.

Таким образом, на сегодняшний день наблюдается разрыв между активным использованием термина «научный суверенитет» в политических документах и стратегиях национальной безопасности и степенью его теоретической разработанности, что требует систематизации накопленных подходов и выработки интегративной концептуальной рамки.

Одной из важнейших характеристик государства выступает суверенитет, то есть его независимость во внешних делах и верховенство внутреннего права во внутренних делах. Суверенитет означает наличие верховной политической и экономической власти, от имени которой в стране принимаются все решения, являющиеся обязательными для выполнения

каждым членом общества. Государство призвано обеспечивать согласование общественных интересов и формировать обязательные для исполнения нормы и решения.

Суверенитет представляет собой исторически обусловленное явление, имеющее экономическое, технологическое и научное измерения. Авторы рассматривают понятие «суверенитет» в функциональном и операционном аспектах, понимая под ним способность той или иной управляющей структуры обеспечивать в каждый момент времени соблюдение установленных ею правил экономического, политического и социального поведения, в особенности – ограничительных мер без применения механизмов прямого силового принуждения. Операционный технологический суверенитет является феноменом, признаваемым крупнейшими участниками политических и экономических процессов в конкретном пространстве «по умолчанию» (Евстафьев & Межевич, 2022). Возникновение дискуссий в отношении операционного суверенитета означает попадание конкретного пространства в «серую зону» суверенитета, когда он нуждается в «обновлении через доказательство».

Роль государства в управлении наукой не отрицалась и не отрицается даже в странах, где экономический мейнстрим абсолютно

либерален. При этом государства, проводящие политику защиты собственного научного суверенитета, не всегда признают правомерность аналогичных мер со стороны других стран. В этой связи особое значение имеет тезис О.С. Сухарева, который подчеркивает, что наука является базой государственного суверенитета России и организация науки и образования имеет самое прямое отношение к обеспечению национальной безопасности (Сухарев, 2022).

В этих условиях особую значимость приобретает концептуализация научного суверенитета, понимаемого как способность государства и научного сообщества самостоятельно определять приоритеты и стратегию развития, сохранять собственные исследовательские традиции, защищать критически значимые направления науки от внешнего давления и выстраивать равноправный диалог в международном академическом пространстве на основе взаимного учета национальных интересов, а также эффективно использовать достижения мировой науки.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, какими управленческими ресурсами и организационными формами должен обеспечиваться научный суверенитет.

Для достижения научного суверенитета возврат к старым формам управления недостаточен. Необходим комплексный анализ, опирающийся на фундаментальные положения социологии науки. Классическая традиция Р. Мертон рассматривает науку как социальный институт с особым нормативным этосом (универсализм, коллективизм, бескорыстность, организованный скептицизм) и системой вознаграждений, в рамках которой признание коллег выступает формой вознаграждения за вклад в коллективное знание (Николина, 2023; Семенов и др., 2023).

Иной взгляд предлагает акторно-сетевая теория Б. Латура (Латур, 2017): наука предстает как сеть гетерогенных элементов, где знание производят не только люди, но и «нечеловеческие акторы» (приборы, тексты, визуализации). Влияние ученых в этой парадигме объясняется их способностью собирать и мобилизовать «неизменяемые мобильности» – надписи, карты, графики, позволяющие «действовать на расстоянии».

Мир-системный анализ И. Валлерстайна заимствует и развивает категории теории зависимости («центр», «периферия», «полупериферия»), позволяя рассматривать глобальную академическую архитектуру как иерархическую систему, в которой страны центра задают стандарты и тематику исследований, а периферия оказывается в положении получателя внешних научных концепций и исследовательских приоритетов (Макеев, 2022). Более того, А. Фумагалли в концепциях «биоэкономики» и «когнитивного капитализма» фиксирует качественный сдвиг в структуре экономики стран, при котором объектом накопления и извлечения стоимости становятся когнитивные способности человека и его способность производить знание (Fumagalli & Morini, 2013). Таким образом, идеи и интеллектуальный труд становятся главным ресурсом производства и власти. Следовательно, в этом контексте научный суверенитет может рассматриваться как способность контролировать ключевые элементы интеллектуального процесса от генерации знаний до их капитализации и защиты от внешнего когнитивного контроля.

Историческая эволюция институциональных форм организации науки

Другой аспект анализа подходов к формированию концепции научного суверенитета связан с эволюцией институциональных форм организации науки. Истоки данного подхода, как отмечает Пол Дэвид, можно проследить в идее универсальной «Республики ученых» (*Respublica literaria*), которая восходит к XVII в. и представляет собой транснациональное сообщество, объединенное нормами открытости и приоритета научного вклада (David, 2008). Однако уже в XIX в. происходит фундаментальный сдвиг: наука становится неотъемлемой частью национального государства. Ведущие европейские страны начинают рассматривать научные исследования как инструмент экономического развития и культурного престижа, что приводит к формированию отчетливых национальных научных традиций и институционализации исследований в университетах

и академиях, финансируемых государством. Научные школы того времени выполняли не только познавательную, но и воспроизводственную функцию, формируя устойчивые национальные традиции в различных дисциплинарных областях и закладывая основы для будущей конкуренции между государствами за научное лидерство. На современном этапе научный суверенитет становится предметом осознанной государственной политики, что требует сравнительно-политологического анализа различных национальных моделей: стратегии Китая по достижению научно-технологической самодостаточности, политики ЕС в области «технологического суверенитета», трансформации научно-образовательной политики России в условиях геополитической фрагментации. Элементы дискурс-анализа позволяют выявить софистические стратегии и концептуальные рамки дебатов о суверенитете как в официальных документах, так и в академическом сообществе, фиксируя переход термина из политической риторики в теоретическую плоскость.

В период холодной войны отношения между наукой и государством претерпели качественную трансформацию: научные исследования стали в существенно большей степени включаться в систему национального стратегического планирования и обеспечения безопасности. Стюарт Лесли в своем классическом исследовании о роли американских университетов в милитаризации американской науки показывает, что после 1945 г. происходит беспрецедентное сближение академических исследований с военно-промышленным комплексом. С. Лесли на примере ключевых областей демонстрирует, как военное финансирование определяло направления университетских исследований, превращая научные лаборатории в «золотой треугольник» отношений между Пентагоном, промышленностью и академической средой (Leslie, 1993). Например, советский атомный проект и запуск первого спутника стали мощнейшими катализаторами реорганизации американской науки, при этом именно государство взяло на себя роль главного заказчика и координатора научно-технических программ.

Отдельно следует подчеркнуть неоднозначный эффект такой милитаризации: она обеспечила значительное увеличение объемов финансирования науки в краткосрочной перспективе, однако в долгосрочной привела к смещению исследовательских приоритетов в сторону прикладных разработок в ущерб фундаментальному знанию, сопровождавшемуся ограничением академической свободы. В рассматриваемый период научный суверенитет стал измеряться исключительно способностью государства создавать критические военные технологии, что окончательно закрепило политизацию науки.

Изменения следующего временного периода были обусловлены распространением новой либеральной экономической модели и начали приводить к глобализации науки. Начиная с 1980-х гг. университеты и исследовательские институты во всем мире были вынуждены адаптироваться к новой рыночной реальности, которая выражалась в сокращении государственного финансирования при одновременных требованиях повышения «эффективности» и «продуктивности». Для оценки эффективности и продуктивности науки потребовались формализованные измеряемые показатели, и на первый план в качестве ключевых показателей результативности вышли публикационная активность, а также привлечение внешних грантов и финансирования (Slaughter, 2005). В этих условиях знание превращается в непосредственную производительную силу (Ерохин, 2025), а академический труд подвергается непрерывному аудиту и мониторингу через формализованные показатели (Allmer & Bulut, 2018).

В этих условиях наукометрические базы данных, например, Web of Science и Scopus, стали выполнять роль глобальных «валютных бирж», где академическая репутация измеряется количественными метриками, рассчитанными по методологии частных корпораций. Ограничения такого подхода проявляются, в частности, в парадоксах рейтингования даже наиболее признанных ученых (Спасенников, 2025). Такая ситуация привела к тому, что эти базы данных, претендующие на универсальность и объективность, на практике дискриминируют неанглоязычные журналы и альтернативные

исследовательские традиции, что способствовало закреплению в конце XX – начале XXI в. доминирования англо-американской академической модели и формированию зависимости стран «полупериферии» от западных стандартов оценивания (Орлов, 2021).

Указанные тенденции обуславливают необходимость анализа возможностей и разработки механизмов достижения научного суверенитета. Перспективным подходом к анализу национальной науки как сложной социально-экономической системы выступает агент-ориентированное моделирование (АОМ) (Рыбачук, 2025). Как показывает М.А. Рыбачук, АОМ позволяет не только воспроизводить поведение гетерогенных агентов (научных групп, университетов, фирм), но и выявлять свойства системы, оценивать ее уязвимости и тестировать сценарии государственной политики, направленные на укрепление научно-технологического суверенитета до их практической реализации.

Именно в результате этих тенденций нарастает фрагментация единого научного пространства, а проблематика суверенитета возвращается в повестку международных отношений. Ключевым направлением дискуссий становится суверенитет данных, особенно в контексте цифровой информации о генетических ресурсах. Ряд авторов в исследовании правовых режимов доступа к генетическим ресурсам анализирует фундаментальное противоречие, возникшее после пандемии COVID-19: мРНК-вакцины стали первым масштабным примером извлечения коммерческой прибыли исключительно из цифровой информации без доступа к физическим образцам патогена, что поставило под вопрос существующие механизмы справедливого распределения выгод, закреплённые в Конвенции о биологическом разнообразии (Akporiri et al., 2023).

Авторы сдержанно относятся к понятию «технологический национализм» для описания стратегий ведущих государств по достижению автономии в критических областях (Полухина, 2025). Вместе с тем представляется обоснованным тезис о том, что в эпоху синтетической биологии и искусственного интеллекта контроль над данными означает контроль над возможностями развития, а открытость без

учета асимметрии научно-технологических возможностей ведет к закреплению глобального неравенства, что требует переосмысления самого понятия научного суверенитета в новых геополитических реалиях.

Проведенный историко-генетический анализ позволяет зафиксировать принципиальную смену концептуальных рамок осмысления науки в ее отношении к государству и власти. От универсалистского идеала «Республики ученых», сформировавшегося в раннее Новое время, через этап кристаллизации национальных научных школ в XIX в. и огосударствления исследований в эпоху холодной войны – к неолиберальной глобализации, обернувшейся формированием устойчивой зависимости стран периферии от западных академических стандартов, и, наконец, к современному этапу фрагментации, где проблематика суверенитета вновь выходит на первый план.

Указанная историческая ретроспектива показывает, что автономной вненациональной науки никогда не существовало: исследовательские практики всегда были вписаны в конкретные политические, экономические и институциональные контексты, а борьба за право определять, что считать научным знанием, неразрывно связана с борьбой за власть и влияние. Полученные выводы актуализируют необходимость систематической концептуализации понятия «научный суверенитет», выявления его внутренней структуры и уровней, что позволит перевести дискуссию из плоскости политической риторики в плоскость операционализируемых категорий, пригодных для анализа конкретных научно-технических политик и стратегий отдельных государств.

Операционализация понятия научного суверенитета

Проведённый анализ теоретических подходов и исторической эволюции позволяет перейти к синтезу – концепции научного суверенитета. Подлинно суверенной является не та наука, которая изолирует себя от мира, и не та, которая безоговорочно принимает навязанные извне стандарты и повестки, а та, которая обладает способностью к равноправному диалогу, сохраняя собственные эпистемические

традиции и одновременно участвуя в формировании общих принципов научного сотрудничества. Исходя из этого, в рамках настоящего исследования предлагается следующее рабочее определение: научный суверенитет – это способность государства или наднационального объединения самостоятельно определять приоритеты научно-технологического развития, обеспечивать полный цикл генерации знаний от фундаментальных исследований до внедрения технологий и защищать свой научно-технологический потенциал от внешнего давления, сохраняя при этом открытость для международного сотрудничества на паритетных началах.

Прежде чем перейти к структурному анализу, необходимо уточнить соотношение двух терминов, которые используются в аннотации и введении как смежные, но не тождественные. Под интеллектуальной независимостью в данной статье понимается способность научного сообщества самостоятельно определять исследовательскую повестку, выбирать методологию и критерии качества, противостоя внешнему оценочному и идеологическому давлению. Научный суверенитет представляет собой более широкую категорию: помимо интеллектуальной независимости он включает также материально-технические, организационные, кадровые и информационные ресурсы, необходимые для полного цикла производства знания. Предлагаемая пятикомпонентная модель придаст этому различию операциональный смысл. Важно подчеркнуть, что эти компоненты не выстраиваются в жесткую иерархию, в которой один из них обладает приоритетом по отношению к другим, а образуют систему, в которой недостаточность любого компонента создает уязвимость и замедляет развитие других. Таким образом, выделяется пять взаимосвязанных измерений научного суверенитета.

1. Эпистемологический (концептуальный) компонент, который в модели научного суверенитета означает способность национального научного сообщества производить собственные оригинальные научные картины мира, парадигмы и школы мысли. Это измерение фиксирует право на интеллектуальное самоопределение, то есть возможность задавать собственные исследовательские вопросы, формулировать

оригинальные теории и методологии, самостоятельно развивать научную мысль, не ограничиваясь верификацией или адаптацией концепций, выработанных в иных цивилизационных контекстах.

2. Технологический (инструментальный) компонент охватывает контроль над критическими технологиями, научным оборудованием и приборостроением. Это измерение фиксирует материально-техническую базу науки: доступ к уникальным приборам, реактивам, вычислительным мощностям и возможность их производства или приобретения вне зависимости от политической конъюнктуры и санкционных режимов. Конкретизация технологического суверенитета требует перехода к измеримым параметрам. Пример такого подхода демонстрируют Н.А. Кулагина и В.В. Гарипова, предлагая многофакторную систему мониторинга, включающую оценку инновационной экосистемы, цифровой устойчивости, ресурсной обеспеченности и других аспектов на региональном уровне (Кулагина & Гарипова, 2025). В.М. Бондаренко связывает достижение научно-технологического суверенитета с переходом от «опосредованной» парадигмы развития к «непосредственной», где ключевую роль играет синхронное формирование новых производственных отношений и производительных сил (Бондаренко, 2022). В рамках предлагаемой модели технологический суверенитет рассматривается как составная часть технологического компонента научного суверенитета (Константинов & Константинова, 2022). Технологический суверенитет – это способность производить подавляющее количество товаров общего назначения и возможность полностью обеспечить себя товарами стратегического назначения, произведенными собственными силами, полностью из отечественного сырья, без использования импортных технологий. При этом, качество и потребительские характеристики произведенных товаров соответствуют международному уровню. В современном дискурсе часто используется термин «научно-технологический суверенитет», который преимущественно охватывает два компонента предлагаемой модели – технологический (контроль над критическими технологиями, приборами, производством стратегических товаров)

и информационный (данные). Он, как правило, не включает в явном виде эпистемологический (способность задавать собственную повестку) и кадровый компоненты. В тех случаях, когда предметом обсуждения выступают исключительно вопросы импортозамещения, приборостроения и санкционных рисков, уместен термин «научно-технологический суверенитет». Если анализ охватывает также эпистемологическую самостоятельность, воспроизводство научных школ и контроль над системой коммуникации, корректнее использовать понятие «научный суверенитет» в его пятикомпонентной трактовке.

3. Институциональный компонент предполагает наличие собственной системы организации науки, включая академии, университеты, исследовательские центры, а также разработанные механизмы экспертизы и оценки научной деятельности, не сводимые к простому копированию внешних рейтингов. Данный компонент отражает способность национальных институтов самостоятельно определять критерии качества, формировать исследовательские повестки и обеспечивать воспроизводство научных школ. Важно, чтобы формальные критерии не подменили содержание научной работы (Сухарев, 2022). Институциональное измерение научного суверенитета включает также формирование отраслевых инновационных экосистем, что на примере электроэнергетики показано в работе А. Абрамовой, в которой научно-технологический суверенитет региона раскрывается через три комплементарные технологии: развитие экосистемы, коммерциализацию инноваций и формирование культуры технологического предпринимательства (Абрамова, 2025).

4. Кадровый компонент выражается в способности государства удерживать и воспроизводить научные кадры, предотвращая «утечку мозгов» и создавая условия для профессиональной или академической мобильности ученых на собственной территории. Это измерение включает как систему подготовки исследователей (аспирантура, докторантура), так и механизмы закрепления ученых в национальной науке: вовлечение молодых ученых в работу устоявшихся научных команд уже на этапе обучения, обеспечение конкурентной заработной платы, карьерных перспектив, предоставление

доступа к исследовательской инфраструктуре (Еремченко, 2025).

5. Информационный компонент подразумевает контроль над научной информацией, базами данных и системами коммуникации. В условиях цифровой экономики и когнитивного капитализма доступ к данным (включая генетическую информацию, результаты наблюдений, архивы публикаций) становится критическим ресурсом, а зависимость от зарубежных платформ и хранилищ создает уязвимости, сопоставимые с зависимостью от импорта оборудования.

Предложенная модель позволяет конкретизировать различие между интеллектуальной независимостью и научным суверенитетом. Интеллектуальная независимость в терминах модели охватывает эпистемологический (способность задавать собственную повестку и теории) и отчасти институциональный (автономия в оценке и экспертизе) компоненты. Однако она не гарантирует контроль над критическим оборудованием (технологический компонент), воспроизводством кадров (кадровый компонент) и научными базами данных (информационный компонент). Именно это превращает интеллектуальную независимость в необходимое, но недостаточное условие научного суверенитета, который требует единства всех пяти измерений.

Для операционализации предложенной выше модели научного суверенитета и перехода от теоретического описания к оценочным процедурам необходимо разграничить два типа характеристик каждого компонента. С одной стороны, критические аспекты, которые фиксируют зоны уязвимости или внимания – те критические точки, где суверенитет может нарушаться или ослабевать. С другой стороны, диагностические индикаторы представляют собой параметры (в том числе количественные или бинарные), которые позволяют эмпирически зафиксировать состояние каждого компонента, отслеживать его динамику и сравнивать различные национальные или региональные научные системы.

Представленная ниже *таблица 2* структурирует модель научного суверенитета по пяти компонентам. Для каждого компонента указаны ключевой вопрос, сущностное содержание, критические аспекты (что именно может становиться точкой отказа) и диагностические индикаторы.

Таблица 2. Научный суверенитет: компоненты, критические аспекты и диагностические индикаторы
Table 2. Scientific sovereignty: components, critical aspects, and diagnostic indicators

Компонент	Ключевой вопрос	Сущность компонента	Критические аспекты (зоны уязвимости/внимания)	Диагностические индикаторы (измеримые параметры)
Эпистемологический	Что мы хотим познать?	Способность производить собственные научные картины мира, парадигмы, школы мысли. Право на интеллектуальное самоопределение.	– Доминирование внешних исследовательских повесток. – Отсутствие оригинальных теоретических школ. – Сведение науки к верификации зарубежных концепций.	1. Доля исследовательских программ, инициированных национальным сообществом. 2. Наличие оригинальных теорий, методологий, признаваемых на паритетной основе. 3. Степень автономии выбора исследовательских вопросов.
Технологический	Какова материально-техническая основа научной деятельности? ИЛИ Какими ресурсами обеспечивается научная деятельность?	Контроль над критическими технологиями, научным оборудованием и приборостроением. Материально-техническая база науки.	– Импортозависимость по приборам, реактивам, чипам. – Отсутствие производства стратегических товаров из своего сырья. – Санкционная уязвимость критической инфраструктуры.	1. Доля критического научного оборудования отечественного производства или из «дружественных» юрисдикций. 2. Возможность полного цикла производства стратегических товаров. 3. Уровень зависимости от импорта по приборам и реактивам.
Институциональный	Кто и как это организует?	Наличие собственной системы организации науки и механизмов экспертизы, не сводимых к копированию внешних рейтингов.	– Подмена содержания формальными внешними рейтингами. – Отсутствие национальных критериев качества. – Утрата экспертной автономии.	1. Наличие действующей национальной системы оценки науки. 2. Способность институтов формировать научные повестки. 3. Степень интеграции национальных наукометрических систем в процедуры аттестации научных работников и распределения финансирования.
Кадровый	Кто именно это будет делать?	Способность удерживать и воспроизводить научные кадры, предотвращать «утечку мозгов», обеспечивать циркуляцию талантов внутри страны.	– Отток молодых ученых за рубеж. – Старение кадров, разрыв поколений. – Неконкурентоспособная оплата и условия.	1. Коэффициент удержания молодых ученых через 5 лет после защиты. 2. Сальдо миграции исследователей. 3. Соотношение зарплаты исследователя к средней по экономике.
Информационный	Как мы сохраним и передадим результат?	Контроль над научной информацией, базами данных и системами коммуникации.	– Хранение критических данных на зарубежных серверах. – Зависимость от западных издательских платформ. – Отсутствие национальной системы научной коммуникации.	1. Доля критических научных данных (генетических, архивных и других), хранящихся на национальных платформах. 2. Независимость от зарубежных платформ (наличие собственных репозиторий и журналов). 3. Функционирующая национальная система долгосрочного хранения информации и система коммуникации.

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Научному сообществу предстоит определить и обосновать значения целевых показателей, которые обеспечат научный суверенитет. Такая структура позволяет использовать таблицу не только для аналитического описания, но и для построения систем мониторинга, стратегического планирования и сравнительных исследований научно-технологической независимости.

Представленная система индикаторов может быть использована в качестве диагностического инструмента в рамках следующих шагов.

Шаг 1 – аудит. По каждому из пяти компонентов собираются статистические и экспертные данные (доля импортного критического оборудования, сальдо миграции исследователей, доля программ, инициированных национальным сообществом и иные).

Шаг 2 – картирование уязвимостей. Для каждого критического аспекта из таблицы определяются пороговые значения индикаторов, за которыми суверенитет не обеспечивается (например, зависимость от импорта оборудования более 70% по критическим позициям).

Шаг 3 – разработка стратегических мероприятий. Для каждого компонента формулируются политики: для технологического – программы приборостроения и импортозамещения; для кадрового – целевые контракты, гранты на возвращение ученых; для институционального – отказ от балльных систем в пользу экспертных советов.

Шаг 4 – мониторинг и корректировка. Ежегодное обновление индикаторов с оценкой динамики и пересмотром стратегий. Модель позволяет также проводить межстрановые и межрегиональные сравнения.

Таким образом, единство эпистемологического, технологического, институционального, кадрового и информационного компонентов, отслеживаемое через представленные индикаторы, превращает научный суверенитет из декларативной категории в операционально верифицируемое понятие, пригодное для стратегического аудита и межстранового сравнения. Только в единстве этих пяти компонентов можно говорить о полноценном научном суверенитете, понимаемом не как изоляция, а как способность к равноправному участию в глобальном производстве знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-политическое значение. Прежде всего, анализ показал, что научный суверенитет не тождественен изоляции. Напротив, он представляет собой способность государства к равноправному диалогу в глобальном научном пространстве. Подлинно суверенной является не та наука, которая отгораживается от мира, и не та, которая безоговорочно принимает навязанные извне стандарты, а та, которая обладает собственным фундаментом, позволяющим участвовать в международном сотрудничестве на паритетных началах. Научный суверенитет выступает не статичным состоянием, достигаемым однократно, а динамической характеристикой, требующей постоянных усилий по развитию собственной исследовательской базы, воспроизводству кадрового потенциала и защите национальных интересов в условиях меняющейся геополитической конъюнктуры.

Это понимание актуализирует принципиальный дискуссионный вопрос: возможно ли в принципе совместить универалистский этос науки, предполагающий свободный поток идей и открытость результатов, с суверенными притязаниями государств на контроль над критическими областями знания? Как показывает критический анализ, представленный в работе О.С. Сухарева (Сухарев, 2022), следование западным стандартам в России привело к системной деградации, актуализируя не просто теоретический вопрос о совмещении, а практическую задачу экстренного восстановления утраченных позиций и создания национальных альтернатив.

Представленный в статье материал позволяет сделать вывод о том, что универалистские принципы науки на практике реализуются в конкретных национальных и цивилизационных контекстах. При этом претензии отдельных моделей научного познания на универсальный статус могут способствовать распространению частных подходов в качестве общепринятых. Решение видится не в отказе от универсализма как регулятивной идеи, а в переходе к плюралистической модели, признающей

право на существование различных традиций и выстраивающей механизмы их равноправного диалога. Конкретная архитектура такого диалога требует дальнейшего теоретического и прикладного исследования, однако уже сейчас можно обозначить её контуры: плюрализация систем научной аттестации (существование национальных и международных баз данных с механизмами взаимного признания), институционализация региональных научных советов (БРИКС, ЕАЭС, ШОС) для выработки собственных критериев качества, а также принципы инклюзивного участия в международных грантах и публикационных процессах. Выстраивание этих механизмов – самостоятельная научная и политическая задача, выходящая за рамки данной статьи. В эпоху новых глобальных рисков такое совмещение становится не только возможным, но и необходимым, поскольку ни одна страна не способна в одиночку отвечать на вызовы планетарного масштаба.

Перспективы дальнейших исследований проблематики научного суверенитета представляются обширными и междисциплинарными. Р. Махарадж, анализируя современную конъюнктуру, подчеркивает, что обеспечение научно-технологического суверенитета требует одновременного укрепления национальных инновационных систем и развития международных партнерств, особенно в формате БРИКС+ (Maharajh, 2025). Перспективным направлением выступает сравнительный анализ научных политик различных государств и региональных объединений – Китая, Индии, стран ЕС, России, арабских монархий Персидского залива, – позволяющий выявить как общие закономерности, так и специфические национальные стратегии укрепления научной независимости. Особого внимания заслуживает изучение формирования новых этосов науки в условиях фрагментации глобального пространства. В частности, предметом дальнейшего исследования может стать вопрос о том, происходит ли постепенная дивергенция академических норм и стандартов или же складываются альтернативные модели научности, не сводимые к западному образцу.

Важнейшей задачей остается разработка системы индикаторов оценки научного суверенитета, которая позволила бы перейти от описательных оценок к количественному мониторингу и сравнению различных национальных научных систем по ключевым параметрам. Решение этих исследовательских задач будет способствовать не только углублению теоретического понимания феномена, но и выработке практических рекомендаций для научно-технологической политики, направленной на обеспечение устойчивого развития в условиях нарастающей геополитической неопределенности.

Авторство и вклад в научное исследование

- *Азаров, А.А.: концептуализация, написание черновика рукописи.*
- *Межевич, Н.М.: методология, написание черновика рукописи.*
- *Тулупьева, Т.В.: концептуализация, написание черновика рукописи.*

Contributions

- *Azarov, A.A.: Conceptualization, Writing – original draft.*
- *Mezhevich, N.M.: Methodology, Writing – original draft.*
- *Tulupyeva, T.V.: Conceptualization, Writing – original draft.*

Конкурирующие интересы

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Тулупьева Т.В., являясь заместителем главного редактора журнала «Экономика науки», не участвовала в редакционном рассмотрении, организации рецензирования и принятии решения по данной рукописи.

Competing Interests

The authors declare no conflict of interest. T.V. Tulupyeva is Deputy Editor-in-Chief of the journal «Economics of Science». T.V. Tulupyeva did not participate in the editorial consideration of this manuscript, the organization of its peer review and the decision-making process.

Список источников / References

1. Абрамова, А. (2025). Концепция развития научно-технологического суверенитета электроэнергетической экосистемы региона. *Энергетическая политика*, 4 (207), 42–51. EDN: BPHYBEZ
Abramova, A. (2025). The concept of developing scientific and technological sovereignty of the regional electric power ecosystem. *Energy Policy*, (4), 42–51. EDN: BPHYBEZ (in Russian)
2. Бондаренко, В.М. (2022). Научно-технологический суверенитет России: условия и пути достижения. *Теоретическая экономика*, (10), 78–91. EDN: ADMNMA
Bondarenko, V.M. (2022). Scientific and technological sovereignty of Russia: conditions and ways to achieve it. *Theoretical Economy*, (10), 78–91. EDN: ADMNMA (in Russian)
3. Евстафьев, Д.Г., & Межевич, Н.М. (2022). Конкуренция моделей суверенитетов как основа перехода к постглобальному миру. *Современная Европа*, (5), 146–159.
Evstafiev, D.G., & Mezhevich, N.M. (2022). Competition of sovereignty models as a basis for the transition to a post-global world. *Contemporary Europe*, (5), 146–159. (in Russian)
4. Еремченко, О.А. (2025). Утечка мозгов из агросектора: влияние кадрового дефицита на инновационное развитие сельской экономики. *Экономика науки*, 11(3), 83–96. EDN: HLPZXL
Eremchenko, O.A. (2025). Brain drains from the agricultural sector: the impact of personnel shortages on innovative development of the rural economy. *Economics of Science*, 11(3), 83–96. EDN: HLPZXL (in Russian)
5. Ерохин, В.В. (2025). Ценность знаний в эпоху экономики знаний. *Экономика науки*, 11(1), 39–49. EDN: KIZEXK
Erokhin, V.V. (2025). The value of knowledge in the age of the knowledge economy. *Economics of Science*, 11(1), 39–49. EDN: KIZEXK (in Russian)
6. Константинов, И.Б., & Константинова, Е.П. (2022). Технологический суверенитет как стратегия будущего развития Российской Федерации. *Вестник Поволжского института управления*, 22(5), 12–22. EDN: VEETIV, <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22>
Konstantinov, I.B., & Konstantinova, E.P. (2022). Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian Economy. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 22(5), 12–22. EDN: VEETIV (in Russian) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2022-5-12-22>
7. Кулагина, Н.А., & Гарипова, В.В. (2025). Мониторинг технологического развития и достижения суверенитета региона: организационный механизм. *Экономика науки*, 11(4), 24–37. EDN: OJWIDC
Kulagina, N.A., & Garipova, V.V. (2025). Monitoring regional technological development and sovereignty: an organizational mechanism. *Economics of Science*, 11(4), 24–37. EDN: OJWIDC (in Russian)
8. Латур, Б. (2017). Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*, 27(2), 95–156.
Latour, B. (2017). Visualization and cognition: drawing wings together. *Logos*, 27(2), 95–156. (in Russian)
9. Макеев, А. А. (2022). Отношения «центр-периферия» в мир-системном анализе: политические аспекты. *Журнал политических исследований*, 6(4), 69–82. EDN: DMHSLN, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-69-82>
Makeev, A.A. (2022). Core-periphery relations in world-system analysis: political aspects. *Journal of political research*, 6(4), 69–82. EDN: DMHSLN (in Russian) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-4-69-82>
10. Махарадж, Р. (2025). Научно-технологический суверенитет: вызовы современной конъюнктуры. *Валдайский клуб*. <https://valdaiclub.com/a/highlights/scientific-and-technological-sovereignty-challenge/> (дата обращения: 03.03.2026).
Maharajh, R. (2025). Scientific and technological sovereignty: Challenges of our contemporary conjuncture. *Valdai Discussion Club*. Retrieved March 3, 2026, from <https://valdaiclub.com/a/highlights/scientific-and-technological-sovereignty-challenge/> (in Russian)
11. Намадов, В.Д., & Баурина, С.Б. (2025). Политика технологического суверенитета в условиях открытой экономики: ключевые аспекты и ограничения. *Экономические науки*, (248), 213–219. EDN: DPYPUO, <https://doi.org/10.14451/1.248.213>
Namadov, V.D., & Baurina, S.B. (2025). Policy of technological sovereignty in an open economy: key aspects and limitations. *Economic Sciences*, (248), 213–219. EDN: DPYPUO (in Russian) <https://doi.org/10.14451/1.248.213>
12. Николина, Н.В. (2023). *Социология науки после Роберта Мертона*. Национальный исследовательский Томский государственный университет.
Nikolina, N.V. (2023). *Sociology of science after Robert Merton*. National Research Tomsk State University (in Russian)
13. Орлов, А.И. (2021). Вред ориентации на базы данных Scopus и Web of Science. В ежегоднике «Россия: Тенденции и перспективы развития» (Вып. 16, Ч. 1, 835–840). <https://cyberleninka.ru/article/n/vred-orientatsii-na-bazy-dannyh-scopus-i-web-of-science> (дата обращения: 03.03.2026).

- Orlov, A.I. (2021). The harm of focusing on Scopus and Web of Science databases. In *Russia: Trends and Development Prospects* (Iss.16, Part 1, 835–840). Retrieved March 3, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vred-orientatsii-na-bazy-dannyh-scopus-i-web-of-science> (in Russian)
14. Полухина, В.Д. (2025). Технологический национализм как фактор борьбы за лидерство среди ведущих государств на международной арене (на примере России, США и Китая). *Международные отношения*, (1), 159–175. EDN: YWCMVA, <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2025.1.72318>
Polukhina, V.D. (2025). Technological nationalism as a factor in the struggle for leadership among the leading states in the international arena (using the example of Russia, the USA, and China). *International Relations*, (1), 159–175. EDN: YWCMVA (in Russian) <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2025.1.72318>
15. Попов, Е., Попова, Н., & Кочетков, Д. (2017). О «научном империализме». *Общество и экономика*, (6), 107–123. EDN: YSPICR
Popov, E., Popova, N., & Kochetkov, D. (2017). On the phenomenon of scientific imperialism. *Society and Economics*, (6), 107–123. EDN: YSPICR (in Russian)
16. Примаков, Е.М. (2012). Реиндустриализация или постиндустриализация? *Прямые инвестиции*, (3), 3. EDN: OPZLUT
Primakov, E.M. (2012). Reindustrialization or post-industrialization? *Direct Investments*, (3), 3. EDN: OPZLUT (in Russian)
17. Ромашов, Р.А., Ромашова, Г.Т., & Сафин, З. Ф. (2026). Публично-правовые основания обеспечения научного суверенитета в пространстве СНГ. *Правовое государство: теория и практика*, (1), 207–214. EDN: VEMFXM, <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.1.21>
Romashov, R.A., Romashova, G.T., & Safin, Z.F. (2026). Public law foundations for ensuring scientific sovereignty within the cis space. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, (1), 207–214. EDN: VEMFXM (in Russian) <https://doi.org/10.33184/pravgos-2026.1.21>
18. Рыбачук, М.А. (2025). Аксиоматизация проектных решений при построении агентно-ориентированных моделей инновационно-технологических систем. *Экономика науки*, 11(4), 38–51. EDN: UBTWOA
Rybachuk, M.A. (2025). Axiomatization of project solutions in the construction of agent-based models of innovative technological systems. *Economics of Science*, 11(4), 38–51. EDN: UBTWOA (in Russian)
19. Семенов, В.А., Зарубин, В.Г., & Мартыанова, Н.А. (2023). *Социология Роберта К. Мертона*. Юрайт. EDN: AOLAKM
Semenov, V.A., Zarubin, V.G., & Martyanova, N.A. (2023). *Sociology of Robert K. Merton*. Yurayt. EDN: AOLAKM (in Russian)
20. Спасенников, В.В. (2025). Парадоксы наукометрии: рейтинги лауреатов Нобелевской премии по экономическим наукам в международных базах данных. *Экономика науки*, 11(4), 10–23. EDN: JMWVVR
Spasennikov, V.V. (2025). Paradoxes of scientometry: ratings of Nobel Prize laureates in economic sciences in international databases. *Economics of Science*, 11(4), 10–23. EDN: JMWVVR (in Russian)
21. Сухарев, О.С. (2022). Деградация науки и суверенитет России несовместимы. *Экономист*, (5), 71–85. EDN: IFSAUM
Sukharev, O.S. (2022). The degradation of science and the sovereignty of Russia are incompatible. *Economist*, (5), 71–85. EDN: IFSAUM (in Russian)
22. Сухарев, О.С. (2024). Типизация технологий, режимы технологического развития и обеспечение суверенитета. *Станкоинструмент*, (4), 24–31. EDN: APCYOJ, <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2024.37.4.24.30>
Sukharev, O.S. (2024). Technology typification, technological development modes and sovereignty assurance. *Stankoinstrument*, (4), 24–31. EDN: APCYOJ (in Russian) <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2024.37.4.24.30>
23. Темирбулатова, Р.Н. (2011). *Государственный комитет по науке и технике СССР: основные направления деятельности*. В *Управление движением и навигация летательных аппаратов* (Ч. 2, с. 214). Самарский государственный аэрокосмический университет.
Temirbulatova, R.N. (2011). *The USSR State Committee for Science and Technology: main areas of activity*. In: *Control of Motion and Navigation of Aircraft* (Part 2, p. 214). Samara: Samara State Aerospace University. (in Russian)
24. Akpoviri, F.I., Baharum, S.N., & Zainol, Z.A. (2023). Digital sequence information and the access and benefit-sharing obligation of the Convention on Biological Diversity. *Nanoethics*, 17, 1. <https://doi.org/10.1007/s11569-023-00436-3>
25. Allmer, T., & Bulut, E. (Eds.). (2018). Academic labour, digital media and capitalism. *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 16(1), 44–240. <https://doi.org/10.31269/triplec.v16i1.977>
26. David, P.A. (2008). The historical origins of ‘open science’: An essay on patronage, reputation and common agency contracting in the scientific revolution. *Capitalism and Society*, 3(2). <https://doi.org/10.2202/1932-0213.1040>

27. Dupre, J. (1994). Against scientific imperialism. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, (2), 374–381. <https://doi.org/10.1086/psaprocbienmeetp.1994.2.192948>
28. Fumagalli, A., & Morini, C. (2013). Cognitive bio-capitalism, social reproduction and the precarity trap: Why not basic income? *Knowledge Cultures*, 1(4), 106–126.
29. Hurlbut, J.B. (2017). A science that knows no country: Pandemic preparedness, global risk, sovereign science. *Big Data & Society*, 4(2). <https://doi.org/10.1177/2053951717742417>
30. Oliveira, T., Marques, F.P. J., Goyanes, M., & Dutta, M. (2025). Structural challenges for the global circulation of knowledge and scientific sovereignty in a multipolar world. *Online Media and Global Communication*, 4(1), 1–13. <https://doi.org/10.1515/omgc-2025-0002>
31. Slaughter, S. (2005). Academic capitalism and the new economy: Markets, state, and higher education. *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*, 34(5). <https://doi.org/10.1177/0094306105034005>

Информация об авторах

Азаров Артур Александрович – кандидат технических наук, проректор по науке, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; SPIN-код РИНЦ: 9124–8674; Scopus Author ID: 56938354700; ORCID: 0000–0003–3240–597X (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1; e-mail: azarov-aa@ranepa.ru).

Межевич Николай Маратович – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1); г.н.с., руководитель Центра белорусских и прибалтийских исследований, Институт Европы Российской академии наук (Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, пом. 3/1); SPIN-код РИНЦ: 2567–5794; Scopus Author ID: 8511975800; Researcher ID Web of Science: B-5336–2014; ORCID: 0000–0002–4312–4228; e-mail: mez13@mail.ru.

Тулупьева Татьяна Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, советник проректора по науке, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; ведущий научный сотрудник лаборатории прикладного искусственного интеллекта, Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук; SPIN-код РИНЦ: 9600–3401; Scopus Author ID: 57144665900; ResearcherID Web of Science: G-2942–2015; ORCID: 0000–0003–3630–7971 (Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1; e-mail: tulupeva-tv@ranepa.ru).

Authors

Artur A. Azarov – Candidate of Technical Sciences, Vice-Rector for Science, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Scopus Author ID: 56938354700; ORCID: 0000–0003–3240–597X (82, Vernadsky Pr., Bldg. 1, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: azarov-aa@ranepa.ru).

Nikolay M. Mezhevich – Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Pr., Bldg. 1, Moscow, 119571, Russian Federation); Senior Researcher, Head of the Center for Belarusian and Baltic Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (11–3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russian Federation); Scopus Author ID: 8511975800; Researcher ID Web of Science: B-5336–2014; ORCID: 0000–0002–4312–4228; e-mail: mez13@mail.ru.

Tatiana V. Tulupyeva – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Advisor to the Vice-Rector for Science, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher at the Laboratory of Applied Artificial Intelligence, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; RSCI Scopus Author ID: 57144665900; Web of Science ResearcherID: G-2942–2015; ORCID: 0000–0003–3630–7971 (82, Vernadsky Pr., Bldg. 1, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: tulupeva-tv@ranepa.ru).

Поступила в редакцию (Received) 22.03.2026

Поступила после рецензирования (Revised) 15.05.2026

Принята к публикации (Accepted) 05.06.2026